

Сетевое общество как понятие, образ и историческая перспектива

Аннотация

Во второй половине XX века в зарубежной социологии появился ряд новых направлений, что не только стало свидетельством ее творческого потенциала, но и внесло пестроту и размытость в ее традиционный образ и вызвало определенную растерянность даже среди признанных авторитетов. Известный исследователь П.Штомпка несколько лет назад поставил в этой связи резонный вопрос: а не слишком ли много социологий для одного мира? Ответов на этот вопрос тоже можно привести множество, поскольку ситуация действительно противоречива и может привести к интересным и неожиданным последствиям.

Среди совокупности новейших предложений в этом контексте неизменный интерес вызывает концепция сетевого общества, особенно в контексте ее непосредственной связи с аудиовизуальной революцией и появлением Интернета, а значит, и существенными сдвигами в формах человеческого общения и взаимодействия. В предлагаемой статье критически анализируются наиболее популярные в зарубежных изданиях версии и оценки очерченной ситуации с точки зрения общественной значимости современной информационной революции.

Ключевые слова: информация, информационная сеть, информационное общество, институциональные изменения

Интенсивное становление разветвленной сети всевозможных средств массовой коммуникации обуславливает необходимость осмыслить суть этого явления и его возможные социальные последствия. Со стороны обществоведов такая реакция наблюдается, и первые теоретические концепции данного феномена уже появились. Среди них наиболее интересными, по моему мнению, являются работы Р.Коллинза [Collins, 1988] и М.Кастельса [Castells, 2000a; Castells, 2000b]. Они вызвали многочисленные комментарии и дискус-

сии, в результате чего проблема постепенно приобретает определенную ясность, хотя вместе с тем вызывает немало вопросов, предположений и критических замечаний. Замечу, что это уже не первый случай, когда в социологии появляется новая концепция с новой этикеткой касательно современного общества. Уже прошли некоторую теоретическую проверку на прочность и надежность концепции постиндустриального, постмодерного, досугового, конвергентного, потребительского, информационного и т.п. общества. Все они давали новый толчок теоретическим исследованиям и дискуссиям, хоть и не смогли исчерпывающе объяснить суть и природу современных обществ. Тем более это касается объяснения такого сложного и противоречивого по своей исторической эволюции и актуальному состоянию общества, как современное украинское. Не удивительно, что украинские социологи и обществоведы с особым интересом обращают свои взоры в сторону каждого нового предложения, надеясь найти что-то свежее, неординарное и полезное.

Теоретическая интерпретация понятия

Под сетевым в большинстве случаев понимают общество, основывающееся преимущественно на горизонтальных связях. Поэтому к нему невозможно применить традиционные социологические критерии типа статуса, общественного положения, властной или какой-либо иной позиции. В нем главную роль играют не иерархические связи и зависимости, а горизонтальная, в основном коммуникативная, сеть отношений, а обмен имеет сугубо информационное назначение. Расстановка индивидов, групп и формальных структур здесь происходит скорее не в зависимости от экономического положения, власти или социокультурного капитала, а в соответствии с количеством и качеством информации, которой некий социальный субъект обладает-распоряжается, и с тем, насколько она востребована данной социальной средой.

Сразу нужно подчеркнуть, что информационные отношения и обмен приобретают значение, подобное функции социальных связей и отношений. Первые являются определенной трансформацией последних, способной, в свою очередь, перевоплотиться при соответствующих предпосылках в другие социальные связи и отношения. Существенную роль в формировании такого общества играют современные коммуникации, а главное — их объединение в устойчивую и взаимосвязанную совокупность сетей. Собственно на это следует обратить внимание, поскольку, — что особенно акцентирует признанный основатель упомянутого направления современный американский исследователь испанского происхождения Мануэль Кастельс, сущность сетевого общества определяет не информация сама по себе, а трансформация разрозненной и свободно транслируемой информации именно в совокупность сетей [Castells, 2000b: p. 112]. Однако по большей части как разъяснение самого термина, так и изучение проблем сетевого общества имеет выраженную технократическую направленность. Между тем и сам Кастельс в своих фундаментальных исследованиях по этой проблеме (см.: [Castells, 2000b: p. 82; Castells, 2004: p. 148]), да и логика социологического теоретизирования подсказывают, что то или иное новое явление представляет интерес для общественных наук лишь при условии, что оно непосредственно или опосредованно вызывает важные общественные сдвиги,

определяя новые формы социальной организации и новые формы их восприятия и оценки. Однако в большинстве (пока немногочисленных) публикаций по данной теме авторы “застревают” на формальных и технических характеристиках соответствующего процесса, что к обществоведению прямого отношения не имеет, либо возводят весьма наивные утопические конструкции (см.: [Давыдов; Маклюэн, 2003: с. 227]). В лучшем случае они пробуждают фантазии, но не продвигают процесс научного познания.

Среди исследователей, для которых социальная сеть и, соответственно, сетевое общество являются доминирующим объектом анализа, наиболее известными фигурами считаются Рендел Коллинз (Rendall Collins) и Мануэль Кастельс (Manuel Castells). Хотя к ним можно добавить и тех теоретиков, для которых сетевое общество — это возможное будущее [Давыдов, s. a.]. Замечу, что между Коллинзом и Кастельсом существует ощутимое различие в подходах и интерпретации понятия, сущности и образа сетевого общества. Для Р.Коллинза [Collins, 1988: p. 86–93] основным социальным ресурсом и движущей силой человеческой деятельности выступают эмоции и культура. Поэтому важнейшей исследовательской проблемой у него является формирование эмоционального состояния человека и человеческих сообществ и превращение культуры в ресурс социального действия, происходящего в интерактивных ритуальных сетях. В них, по его мнению, человек приобретает способность вырабатывать, а также усваивать или присваивать культуру как основной социальный ресурс на современном этапе исторической эволюции. В соответствии с тем, насколько человеку удалось усвоить-присвоить культуру в качестве ресурса социального действия и взаимодействия, происходит его размещение на микро- и макроуровнях социальной иерархии. В итоге в соответствии с логикой исходного принципа и дальнейших рассуждений Коллинза ему удалось весьма оригинально объяснить специфику формирования, дальнейших проявлений и самореализации интеллектуально одаренной части общества, что само по себе интересно и крайне важно.

Тем не менее подчеркну, в публикациях такого рода коммуникативное взаимодействие рассматривают в большинстве случаев как следствие информационной революции и тотальной компьютеризации общества, то есть скорее как нечто вторичное, а не как самостоятельный и в каком-то смысле даже определяющий фактор. В рассматриваемом аспекте на передний план выдвигается не социальная сеть, а нечто иное: индустрия, информация, досуг, потребление и т.п. Тогда как именно информационная сеть в сетевом обществе составляет и основное понятие, и фактор или движущую силу общественного движения. Именно это помешало Коллинзу, на мой взгляд, создать общую картину функционирования любого общества, в котором талантливые люди хоть и образуют наиболее подвижный и творческий элемент, однако не исчерпывают собой всего человечества, к которому относятся индивиды и группы всевозможных форм активности, способностей и умений.

Подход его современника и коллеги Мануэля Кастельса более фундаментальный, всесторонний и, я бы сказал, потенциально более продуктивный, если при этом иметь в виду формирование общей социологической теории, без которой другие ее разновидности будут выглядеть неполными и даже несколько неполноценными. Кстати, говоря о Кастельсе как соотечественнике Коллинза, я в действительности несколько упростил ситуацию. Ведь Кастельс по происхождению — испанец, по образованию и обще-

му личностному формированию — француз и только по научной деятельности, месту работы и языку публикаций — житель США, что лишний раз подчеркивает основную черту современного человека как чрезвычайно подвижного, динамичного и перманентно склонного к перемене мест. Возможно, именно это обстоятельство помогло Кастельсу более ощутимо представить зарождающийся способ социального взаимодействия и объединения людей не столько в социальные группы, как это происходило традиционно, сколько в социальные сетевые конгломерации, как это выглядит сейчас.

В научном наследии Кастельса 22 полноформатные книги и более 100 статей, многие из которых переведены на другие языки. Самой известной считается трилогия “Информационная эра: экономика, общество и культура” (переведена на 23 языка). Ученый имеет множество академических и даже правительственных наград, что, впрочем, не превращает его в исключительную или неприкосновенную личность, а его работы не выводит за пределы объективной критики. В дальнейшем я сосредоточусь преимущественно на его концепции сетевых структур и их влияния в целом на общество, которое, по мнению Кастельса, на наших глазах приобретает принципиально иную конфигурацию.

Общее описание сетевого общества

Основанием самой возможности формирования социальных сетей и дальнейшего их преобразования в доминирующее свойство, признак и фактор социальных изменений является появление новых средств массовых коммуникаций, в частности компьютера. Эти коммуникации отличаются от традиционных форм общения и образуют базу новых форм социальной интеграции, которые в своем дальнейшем развитии сохраняют в себе возможность трансформации локальных социальных ситуаций и могут проявиться на национальном и транснациональном уровне.

В этом пункте, кстати, подход Кастельса существенно, если не принципиально, отличен от других глобалистских концепций, например от видения будущего И.Валлерстайном [Wallerstein, 2004]. Последний строит свою концепцию на интуиции, предчувствии и прозрении, то есть действует скорее как пророк или ясновидец. Кастельс, напротив, формирует свои теоретические конструкции на представленных социальных тенденциях, осторожно экстраполируя их на будущее. При этом он с готовностью признает не только возможность, но и необходимость постоянного обновления, исправления и очищения любых, в том числе своих, теоретических конструкций в соответствии с новыми фактами и иными эмпирическими данными.

Предпосылкой, фактором и действенным механизмом указанной трансформации общества, согласно Кастельсу, является информационная революция. И в отличие от большинства других авторов он рассматривает информатизацию не столько с научно-технической, сколько с собственно социологической, социальной стороны. При таком подходе процесс информатизации смещается в сферу социальных отношений и деятельности, а производство, обмен и распространение информации превращается в социальный фактор. В этом проявляется главное преимущество его теоретических поисков: свойство интерпретации общественных сдвигов на реальной теоретической почве. Благодаря такому обоснованию проявляются те принципи-

ально новые социальные реалии, которые либо обусловлены интенсивной информатизацией общества, либо органично с ней связаны.

Одним из таких социальных явлений, вызванных современным способом функционирования информации в обществе, выступает появление информационных сетей как наиболее адекватного и эффективного способа собственно общественного ее функционирования. Разумеется, функционирование информационных сетей предполагает не только технические средства сохранения и передачи информации, но и человеческий компонент. В дополнение к уже зафиксированным и описанным социологией посредникам в человеческих отношениях появляется еще один — информационная социальная сеть. Подобно прочим посредникам (орудиям и средствам производства, деньгам, культурным и социальным символам, идеологии, мифам, утопиям, власти и т.д.) информация действует как консолидирующий и стратифицирующий механизм, вызывая новые “разломы социальной коры”.

Действуя как полезный и эффективный ресурс, информация становится также объектом властных и присвоительных манипуляций, вызывая новые и специфические формы сплочения, объединения и разъединения людей в зависимости от их отношения к информации, владения ею и использования ее. Это можно представить как своего рода тектонические сдвиги, способные существенно, если не тотально, трансформировать социальный пейзаж.

В экономическом аспекте это означает конец “кейнсианского” капитализма — такой конструкции народнохозяйственного механизма, которая целиком и полностью базировалась на эффективном использовании денежных накоплений (капиталов) и умелом управлении денежными потоками. То есть речь идет о своеобразном процессе оздоровления и поддержания нормального функционирования общества на основе эффективного регулирования его “кровотока” путем повышения слабого и снижения повышенного кровяного давления экономики до некоего условно нормального уровня. Но, как позже оказалось, это лишь увеличило расстояние между точками кризиса или размер и длину “волн Кондратьева” (расстояние между отдельными экономическими кризисами), но не устранило сами кризисы. Как показал И.Валлерстайн, длина “волн Кондратьева” увеличилась, но в результате этого сами кризисы стали гораздо более мощными, разрушительными и катастрофическими по своим последствиям [Wallerstein, 2004: p. 112].

Согласно Кастельсу, исторический период резкого поворота западного общества от традиционного к информационному взаимодействию произошел примерно между 1970 и 1990 годами. Это проявилось в ряде последствий: 1) углубилась и существенно трансформировалась традиционная логика прибыльности, которая приобрела иной вид и размер, получив новые источники, предпосылки, общественное применение и т.п.; 2) наиболее ярко это воплотилось в новых формах прибыльности капитала и труда, взаимная зависимость между которыми приобретает в данное время все более зыбкую и мистическую форму; 3) происходит глобализация как производства, так и рабочей силы; 4) вмешательство государства в процесс производства и обмена ради обеспечения максимально комфортных условий национальному производству и рынку, в том числе за счет уменьшения затрат на образование, культуру и социальные программы. Благодаря этим мерам производство и обмен приобретают некоторую динамичность, гибкость и способность адекватно отвечать на ситуацию, каковой она является здесь и сейчас.

К сожалению, в этом пункте выделенные Кастельсом направления структурной перестройки современного капитализма имеют несколько абстрактный характер. Наибольшая слабость заключается, на мой взгляд, в том, что не указаны реальные пути и направления подобной перестройки. Разумеется, информация сама по себе не является фактором или движущей силой. Чтобы ими стать, она должна воплотиться, опредметиться во что-то более реальное и предметное: новые технологии, формы управления, коллективные мотивы, формы объединения коллективной деятельности и др. Хотя некоторые линии движения в данном направлении Кастельс все же указывает, в первую очередь обращаясь к новым информационным технологиям [Castells, 2000b: p. 112].

Историческая перспектива сетевого общества

Под новыми информационными технологиями Кастельс прежде всего имеет в виду компьютерные технологии (программирование, вычисления, поисковые программы и т.п.), включая так называемые “тяжелое” и “легкое” или, иными словами, “жесткое” и “гибкое” программирование, но обязательно в их связи с Интернетом. Обосновывая факторное влияние информации на организацию и ход социальных процессов, Кастельс ссылается на концепцию Гидденса [Giddens, 1991] относительно усиления расхождения социального пространства и времени и все большего ослабления их влияния на социальные процессы. В силу этого, согласно Кастельсу, информация становится центральным элементом социальной деятельности и самодеятельности.

Особое внимание Кастельс обращает на то, что в “сетевом обществе”, как он (и не только он) это называет, информация становится основным продуктом (в смысле — следствием), основной предпосылкой, как и фактором, производства. Впрочем, это акцентируют и другие теоретики постиндустриального и информационного общества [Бейлін, 2008; Давыдов, s.a.]. Таким образом, это само по себе еще не имеет принципиального значения, поскольку не содержит значительных экспликативных возможностей: товарное производство, как и построенное на его основаниях общество, зависит в своих качественных характеристиках не столько от характера производимого продукта (им может быть что угодно, но при одном условии — оно должно иметь потребительскую и обменную стоимость, то есть быть в состоянии удовлетворительно функционировать на обменном рынке). Другое дело, когда Кастельс подчеркивает центральный, а то и фундаментальный аспект информации. Тогда появляется возможность утверждать, что в результате особенностей своей потребительской и обменной стоимости, а также особых технико-производственных и обменно-потребительских параметров информация может (и наблюдения свидетельствуют, что это действительно так) постепенно (или резко и внезапно, здесь можно предположить любую вероятность) стать основным производственно-потребительским продуктом, то есть занять в процессе производства, обмена, а отсюда и в социальном взаимодействии, доминирующее положение, а в идеале — стать главным или преобладающим продуктом, способным удовлетворить основные индивидуальные или коллективные потребности. В таком случае наряду с прочим она (информация) становится основным индикатором общественного богатства, развития и благополучия.

Превращенная в главный фактор производства и обмена, информация также сможет существенно трансформировать образ современного общества. Предполагается, в частности, что производство и обмен информацией, осуществляемые через компьютер и аналогичные технические средства, появление которых вполне возможно, кардинально изменит как характер труда, сблизив его с умственным, так и рабочее место производства, превратив дом в производственный офис, а также изменит сам процесс обмена, привнеся в него неизвестные доселе критерии и механизмы. Став господствующими формами деятельности, производство, обмен, распространение, присвоение и сохранение информации, по сути, если и не устраняют полностью физический труд, то как минимум отодвигают его на далекую производственную периферию, превращая во второстепенный способ человеческой активности, а коллективного субъекта такого труда — в периферийную социальную группу, не принимающую заметного участия в воспроизводстве, а главное — в преобразовании общественных отношений и социального порядка.

Следует сразу же подчеркнуть, что подобного рода спекулятивные рассуждения не свойственны Кастельсу. Его теоретизирование в большинстве других случаев имеет более заземленный характер. Прежде всего основным понятием у него является не сама по себе информация, а информационные технологии. К тому же они, опять-таки, не берутся в качестве технической или промышленной технологии, то есть как технические средства производства, распространения, использования или сохранения информации. В этом я усматриваю большую заслугу Кастельса именно перед социологией: он отрывает информацию от ее непосредственной связи с техническими средствами ее производства или трансформации, связывая непосредственно с человеческой деятельностью и ставя ее функционирование в прямую зависимость от активности социальных субъектов. Хотя при этом он не уклоняется от анализа тех случаев, когда информация непосредственно повлияла или может повлиять на развитие сугубо промышленной технологии, например, с переходом от аналоговой к цифровой записи информации на соответствующие технические носители, что обусловило техническую революцию в художественно-эстетическом взаимодействии.

Развитие информационных технологий с появлением компьютеров происходит одновременно в двух направлениях: 1) как непрерывно совершенствующаяся работа с самой информацией (ее поиск, обработка, распространение и сохранение); 2) как движение (все большее разнообразие и трансформация) механизмов, определяющих саму способность информации влиять на социальные процессы — коммуникативные и праксеологические. Это всегда происходило весьма органично, поскольку само социальное взаимодействие изначально содержит информационный аспект в качестве своего естественного базиса, а также выступает движущей силой человеческой активности.

Кастельс выделяет три качественно различных момента, когда каждый новый период означает не только новую форму производства, распространения, усвоения и использования информации, но и порожденную этим новую форму социальной организации: 1) появление письма и алфавита; 2) печатные средства информации (книги, журналы, газеты и др.); 3) открытие технических и аудиовизуальных средств трансляции информации. Сам по себе переход к новому способу производства, распространения, усвоения

и сохранения информации всякий раз означал новый исторический шаг для обществ, которые смогли это сделать, и ощутимый отрыв их от тех обществ, которые по тем или иным причинам не смогли ступить на этот путь. В этом процессе имели значение все четыре составляющие: производство, распространение, усвоение и сохранение. Но чаще бывало так, что определенные страны или регионы вырывались вперед благодаря овладению какой-то одной из этих составляющих, хотя иногда побеждали в итоге те, которым удалось вовремя и одновременно объединить все компоненты данного процесса. И с каждым новым качественным прыжком информационных технологий значимость овладения ими становилась все более насущной, а выгоды от этого — все более весомыми. Если в отношении изобретения письма и письменных коммуникаций это выглядело не так убедительно, и выигрывали только те общества, чей алфавит был более понятен в пользовании, благодаря чему они имели адекватный материал для формирования текстов, то с появлением книгопечатания начинают приобретать значение именно технические средства, скорость формирования текстов, их доставка (пересылка) к месту назначения, возможность усвоения и сохранения. Постепенно должную роль начинает играть содержание информации и связанная с этим способность или возможность продуцировать новые информативные смыслы.

Правда, Кастельс каким-то образом обходит вниманием те результаты, которых удалось достичь при анализе этой ситуации канадскому социологу Г.М.Маклюэну [Маклюэн, 2003]. Последний рассматривает переход от устной речи к печати и дальше к аудиовизуальным средствам информации как ряд культурных и коммуникативных переворотов, вызывавших или способствовавших появлению разных типов общества. В частности, без перехода к книгопечатанию был бы невозможен в полном объеме капитализм как тип культуры, переход от рыцарского “двора” с нечетко очерченными статусно-ролевыми конфигурациями участников к нуклеарной буржуазной семье с акцентом на супружеской верности, активным соучастием родителей в воспитании детей, семейным уютом как доминантной компоненте личной самореализации и счастья, размежеванием публичной и частной жизни. Без углубления в книжное чтение не был бы сформирован так называемый “буржуазный” индивидуализм с его акцентом на личном самоутверждении, инициативе и интенсивной саморефлексии. Иными словами, Маклюэн усматривает в появлении новых средств распространения информации важный фактор социокультурной трансформации общества, обретения им существенно нового вида и способа функционирования. Предложенный Маклюэном в середине прошлого века образ общества будущего как “глобальной деревни”, где все знают обо всем и обо всех, а перемещение людей, капиталов и рабочей силы ускоряется в разы, что поначалу воспринималось скорее как журналистская сенсация и удачная метафора, сегодня уже выглядит как само собой разумеющаяся тенденция общественного движения.

Однако пренебрегая влиянием информации на культуру, идеологию и образ жизни, Кастельс компенсирует этот недостаток тем, что обнаруживает ее (информации) влияние на остальные не менее важные структурно-функциональные компоненты общества. В частности, он считает, что под ее влиянием качественно трансформируется процесс материального производства. Оно утрачивает свой прежний тотальный характер, при котором в одном и том же месте начинается и заканчивается производство гото-

вого продукта. Зато теперь, полагает он, этот процесс дифференцируется на совокупность автономных моментов, связь между которыми осуществляется именно благодаря информационным потокам. То есть в технологии доминирующее значение приобретает не превращение энергии, вещества в движение машин и агрегатов, а информационный процесс, подчиняющий себе движение промышленной технологии, задавая тем самым смысл и порядок самому материальному производству, превращая хаотичную совокупность технических операций в целесообразно органически упорядоченный трудовой процесс.

Информационная сеть как социальный фактор

Впрочем, информационная технология воздействует не только и даже не столько на движение вещества, энергии или же трудовой процесс, осуществляемый рабочей силой. Она в первую очередь воздействует на другую информационную технологию, образуя относительно автономную и относительно самодостаточную информационную сеть. Хотя для своего функционирования информационные потоки требуют технических средств, энергетической подпитки и соответствующим образом предварительно сконструированного промышленного пространства, основным предметом потребления информации остается другая информация. Именно в этом случае и на этом пути информация не просто может нормально существовать (усваиваться и сохраняться), но и вырабатывать новую информацию. Именно здесь — наиболее потенциально важное и в такой же мере потенциально уязвимое место самого существования, самосохранения и саморазвития информации. Ведь каждая новая ее разновидность возникает на основе какой-то другой информации, закладывая тем самым необходимые предпосылки для ее дальнейшего прогрессирования или самосовершенствования либо регресса и саморазрушения. Учитывая подобную перспективу и возможности, даже постмодернистская утопия “другого” выглядит несколько наивной и слишком алармистской. В ней в качестве конечного пункта некоего исторического движения взято начало, хотя понятно, что любое начало чего-то нового необратимо предстает одновременно концом чего-то предыдущего.

Наиболее очевидным эмпирическим признаком такой трансформации служит приумножение всевозможных технических средств производства и распространения информации, то есть увеличение массива компьютерных и подобных им или аналогичных технических коммуникативных посредников. Становясь центральными элементами собственно социального взаимодействия, они притягивают к себе и концентрируют вокруг себя все прочие виды и средства человеческой активности. В этой связи вполне можно предположить не столько даже появление новых информационных технологий, сколько появление новых общественных отношений, частично обусловленных необходимостью продуктивного использования уже накопленной человечеством информации, частично — производством новой.

Главное, однако, состоит в том (что очень редко звучит достаточно выразительно даже у основателей данного направления), что печатные тексты не только способны изменить характер социальной коммуникации, придавая ей более устойчивый, понятный, пригодный к воспроизводству и критическому анализу, передаче на расстояния в пространстве и времени и т.п. ха-

ракти; они также способны сделать саму коммуникацию более прямолинейной, четкой, однозначной, логически упорядоченной. Благодаря этому становится возможным особый (научный или академический) язык как наиболее упорядоченная, экономная и продуктивная форма информационных сообщений. На данной основе (хотя для этого имелись и другие не менее важные предпосылки), возникла и сформировалась особая (элитная) форма речи, обладающая очевидными техническими преимуществами по сравнению с обыденным или бытовым языком. Современный английский социолингвист Б. Берстайн назвал эту форму “речью на основе усовершенствованного лингвистического кода”, который существенно расширяет познавательные и коммуникативные возможности человеческого общения и форм социализации. Но вместе с тем это вносит дополнительные стратификационные механизмы и критерии в социогрупповую структуру общества не только как формы коммуникативного взаимодействия, но и как признак и критерий социального размежевания и неравенства. Эта тема магистральной линией проходит сквозь все творчество современного французского социолога П. Бурдьё.

Однако печатное письмо (как и письмо вообще) не только содействовало совершенствованию информационной коммуникации и социальному размежеванию, не только придало речи большую конкретность и точность за счет сужения излишней образности и метафоричности, но и подготовило необходимые предпосылки для дальнейшей механизации или технологизации коммуникации, подведения под этот процесс адекватной промышленной основы, магистральной линией которой стало возникновение компьютера и компьютерных технологий. Их развитие привело к появлению информационных сетей, которые можно, а по мнению Кастанельса и необходимо, рассматривать не столько как возникновение новых информативных средств, форм или каналов трансляции информации, сколько как новое качество общества, трансформацию его в принципиально новый способ существования и взаимодействия. Это, в свою очередь, предполагает, подобно природе всех качественных трансформаций общества, коренное разрушение всех привычных форм его существования, структурирования и функционирования.

Такого рода информационная революция, по утверждению Кастанельса, началась где-то в 80-х годах прошлого века; то есть не столько с появлением новых форм, каналов и способов обработки, трансформации и сохранения информации (что началось гораздо раньше, примерно в середине этого же века), сколько с началом процесса трансформации общества с появлением не просто самого по себе компьютера и продуцируемой им информации, а принципиально новой формы ее (информации) общественного функционирования, прежде всего ее общественного использования. Новое качество компьютерная информация получила тогда, когда ее разрозненные, хаотичные и точечные формы превратились в особые информационные сети — нечто такое, что приобрело принципиально новую величину, размерность, возможность влиять и определять, приобретая автономное и независимое существование. Наиболее очевидным, хотя не обязательно наиболее значимым следствием этого является переход капиталистического общества в новое качество — в глобальную международную социальную систему. Это означает, что отдельные, даже самые могущественные национальные об-

щества типа США, постепенно утрачивают свою самостоятельность и особенность существования, трансформируясь в особый элемент глобального общества.

Борьба за мировое господство, определявшая политику и экономику в течение двух предыдущих веков, завершилась тем, что господствующей единицей стало не отдельное общество или группа таких обществ, а независимая и доминирующая над ними всеми мировая социальная система, в пределах которой все они в данное время являются всего лишь отдельными точками, элементами или подчиненными единицами.

Разумеется, в зависимости от собственных возможностей отдельные общества или их союзы оказывают большее влияние на происходящее в пределах мирового социального порядка. Но это влияние не абсолютно и не долговечно. Например, США, их союзники и противники исходили из того, что победа в “холодной войне” гарантирует им мировое господство. Получилось, однако, так, что на смену одним врагам пришли другие, которых стало больше, а их потенциальное объединение угрожает еще сильнее. Общий модус ситуации заключается в том, что борьбу в данное время следует вести не только против другой страны или группы стран, а одновременно и против самой мировой социальной системы, постепенно превращающейся в самостоятельный фактор соучастия, влияния и состязания — уже за свое собственное существование в качестве именно мировой социальной системы как особого игрока на международной арене.

Суть, однако, не только в этом. В определенной мере и в особых формах мировая война длилась практически в течение всей предыдущей человеческой истории, хотя цели, формы, средства, предполагаемые трофеи различались. К тому же война чаще всего велась в локальном пространстве. И только в XX веке она стала принимать глобальный вид, то есть становится борьбой одной объединенной группы стран против другой. Но современный момент имеет свою специфику: впервые или впервые с такой очевидностью в этом процессе важное, если не господствующее место занимает информация: и как поисковый ресурс, и как средство, и как мотив, и как фактор объединения — разъединения. Но самое главное, что нужно особо акцентировать, заключается в том, что соучастие информации в этой борьбе происходит не в виде хаотично распорошенного, эпизодически актуального присутствия, а в виде особого, социального по смыслу и форме, образования — информационных сетей.

В принципе доказывать социальную природу и социальную значимость информации нет особого смысла — это очевидно социальная вещь. Другое дело, когда информация приобретает форму внутренне прочно связанных блоков, да еще и относительно автономных в своем формировании, существовании и механизмах влияния, становится фактором не только социальным по своему происхождению и способу функционирования, но и фактором действия и взаимодействия. Иными словами, когда информация становится строительным материалом, действенным агентом и определяющим локомотивом особого типа общества — информационного, приходящего на смену товарному, которое, в свою очередь, пришло в свое время на смену производящему.

В каком-то смысле информационные сети как доминирующий и определяющий элемент нового типа общества подобны многим предыдущим

структурам. Так, можно говорить о сетях сообщений, прежде всего — транспортной, о торговой, властной (в которой циркулирует административно-управленческая информация), культурной, досугово-бытовой и др. сетях. В этом аспекте общество можно представить как упорядоченную совокупность сетей. Специфика собственно информационных сетей заключается в следующем. Это относительно новая и качественно отличная сеть, в частности и потому, что все прочие являются скорее упорядоченными совокупностями предметного порядка; информационная же представляет собой скорее смысловую совокупность. Хотя носителем информации оказываются и некоторые предметные структуры или единицы, информация значительно более автономна по отношению к своему носителю, чем в других случаях. Даже в культуре как чем-то очень близком к нашему случаю лишь определенным образом структурированный образ является носителем эстетического, тогда как информация принципиально способна быть закодированной в любом или почти любом внешнем предмете, поскольку здесь значение имеет не знак, а заложенное и содержащееся в нем содержание, доступное восприятию другого. Это означает, что люди общаются не через знаки, а через заложенный в них и доступный для восприятия смысл. В этом плане информационная сеть — это смысловая сеть, она предметно-телесно свидетельствует о переходе общества на некий новый уровень понимания и самопонимания, а также способности к компромиссу как в обычной, так и, что особенно важно, в конфликтной ситуации. В этой связи вполне оправданно надеяться если не на исчезновение (это скорее маловероятная иллюзия), то хотя бы на более разумное и эффективное разрешение конфликтов, перманентное наличие которых свидетельствует о принципиальной ограниченности до сих пор известных форм компромисса.

Информационная сеть ко всему прочему — достаточно открытая система, единственным препятствием для которой является субъективная способность коммуникативных партнеров. Правда, здесь сразу возникают в памяти всевозможные секреты и тайны, но это уже проблема не понимания, а управления и соответствующих регламентирующих правил функционирования информации. Значение здесь имеет, и это принципиальный момент, не природа информации, а общественная организация людей. Большие надежды здесь возлагают на Интернет с его возможностями, но следует иметь в виду, что естественной основой существования власти является секретность. Поэтому существуют вполне обоснованные опасения, что бюрократия сможет укротить и Интернет, как она до этого укрощала другие формы свободного доступа и выбора людей. Можно ожидать усиления политической и других форм борьбы за свободу Интернета, а значит, за свободу зарождающихся информационных сетей. Значительные надежды можно возлагать на особую гибкость информационных сетей и их способность к перманентному самообновлению. Не менее важно и то, что Интернет, во всяком случае в его нынешнем виде, не имеет центра и, что особенно важно, вообще центров. А ведь именно наличие центров служит самой надежной опорой любой власти — в такой степени, что как раз власть и следует подозревать в создании центров, которые по природе были, есть и остаются в большинстве случаев центрами власти.

Впрочем, в общественном функционировании информации продолжает действовать механизм включения/исключения. Очевидно, в этой связи со-

временный немецкий социолог Н.Луман [Luhman, 1997] рассматривал границу как главный элемент глобализации, что позволяет путем исключения избавляться от некоторых разногласий и неприятностей, которыми могли бы “заразиться” более развитые общества от своих неудачливых соседей. В такой интерпретации границы приобретают свое последнее и единственное значение — быть социальными санитарными границами [Luhman, 1997: р. 67–69]. Кастельс при этом особо подчеркивает, что информация функционирует в социальной сети подобно любой другой технологии и по ее общим законам. Таким образом, и именно это, на мой взгляд, намерен подчеркнуть Кастельс, информация сама по себе является технологией и действует как любая другая технология. В определенной мере такой акцент важен, потому что снимает большинство тех многозначительных наслоений и смысловых акцентуаций, которыми в предыдущие годы сопровождалась интерпретация информации. Именно в сетевой структуре информация, казалось бы, нашла, подобно Абсолютной идее Гегеля, свое настоящее место и подлинную суть.

Социогрупповая структура общества в контексте появления информационных сетей

Главный момент, который не может обойти ни одна новейшая социологическая концепция, если она претендует на довольно развернутое объяснение общества как некоей целостности, состоит прежде всего в интерпретации социогрупповой структуры общества. Как показывает опыт критического анализа подобных попыток, это может включать то ли особую интерпретацию групповой совокупности, то ли инновационное выделение какой-либо особой группы, обладающей системообразующим свойством (определяющей общую конфигурацию всей социогрупповой совокупности), то ли их (групп) новый порядок взаимодействия и взаимного расположения по критериям возможности влиять на общий социогрупповой порядок общества. Эту необходимость, насколько можно судить, Кастельс признает, хоть и в разной степени акцентирует одну из указанных составляющих. Что касается центральной единицы социогрупповой структуры, здесь его позиция скорее традиционна: таковой он, по уже установившейся в социологии традиции, признает класс. Однако сразу указывает на те “драматические”, как он пишет, трансформации, которые с классом должны произойти или уже произошли под влиянием сетевой организации социального взаимодействия. Наиболее невероятным обстоятельством здесь, по его мнению, является становление или дальнейшее существование капитализма без капиталистов. Объясняет он этот парадокс тем, что в результате вызванных сетевыми структурами пертурбаций капиталисты перестают быть собственниками, прежде всего — физическими собственниками физических объектов собственности “заводов, фабрик и пароходов”. Вместо предметной формы собственности в их руках находятся портфолио акций, ценных бумаг, контрактов и банковских счетов, то есть нечто, обладающее несколько воображаемой, если не фантастической формой существования. Здесь можно было бы в первую очередь обратить внимание на те легкость и подвижность, присущие этой форме собственности, ее способность перемещаться из одних рук в другие с невероятной легкостью, можно даже сказать — легкомыслием. Тем не менее, исходя из своих методологических оснований, Кас-

тельс прежде всего обращает внимание на то, что эти “бумажки” — не что иное, как носители информации. В связи с этим движение собственности, в частности ее переход из рук у руки, приобретает чрезвычайную подвижность, почти игровость. В соответствии с этим несколько сценичную форму приобретает и капиталистическая конкуренция как исключительно бумажная по форме. В результате, прибавлю от себя, бюрократия, как воплощение содержания и формы отношений из отдаленной периферии производственных отношений перемещается прямехонько в их центр, а капиталистическая конкуренция принимает дискусивно-правовой вид, проявляясь как поиск лучшего морально-правового или словесно-ораторского оправдания тех или иных действий. М. Вебер в свое время утверждал, что со становлением капитализма бухгалтер взял верх над средневековым рыцарем, а его счета оказались более эффективным оружием, нежели рыцарский меч. Ныне, по логике Кастельса, господствующей фигурой в этом процессе становится правовец, юрист. Это легче всего заметить в социальном взаимодействии в обществах, только ступивших на путь капиталистического развития: в них конкурентная борьба еще не получила достаточно изоциренных форм, поэтому словесное обоснование своих действий имеет весьма вульгарно-простодушный и цинично-словоблудный характер. В этом же контексте обнаруживаются все правовые манипуляции, перманентное переписывание или перетолковывание законов и вообще — правил социально-экономического взаимодействия. Вследствие таких и подобных им действий не только социальное взаимодействие, как утверждают постмодернисты, трансформируется в текст: текстом в значительной мере становится собственность, даже ее предметно-вещевые формы. Трудно заведомо утверждать, что здесь чем определяется, но можно с достаточной уверенностью сказать, что информационные сети и текстуальные формы социального взаимодействия движутся рядом, существенно влияя друг на друга. А в своей совокупности, вместе некоторыми другими аналогичными тенденциями, они постепенно, но необратимо выдвигают социальную коммуникацию на передний план социальных отношений, превращая словесно-знаковое взаимодействие в доминантный ресурс социальной организации в целом, что и нашло отражение в основных микросоциологических концепциях, акцентированных на знаковом и смысловом взаимодействии.

Согласно принципиальной логике вещей, реструктурирование отношений собственности с необходимостью касается трансформации власти. Исторически власть держалась и интерпретировалась на основе экономического неравенства и соответствующей социальной иерархии. В бюрократии власть получает свое наиболее адекватное воплощение, превращаясь в обезличенную машину, чьим функциональным назначением является деперсонализация отношений и деметафоризация сознания и мотивации. Наконец, как утверждает один из основателей постмодернизма М. Фуко, власть перемещается из сферы государства и формальных структур в область непосредственно общественных отношений (можно сказать — в гражданское общество, которое до сих пор более или менее активно противостояло государству и административной системе), в результате чего именно население вынуждено брать на себя функцию надзора и наказания [Фуко, 1998].

Понятно, что власть и информация тесно и органично между собой связаны. Информация в обозначенном процессе участвует как ресурс не просто

обеспечения внешнего послушания, порядка и дисциплины (“знание — сила”), но и внутреннего обеспечения подчинения и самодисциплинирования (послушание по убеждению). Эффективность сетевым образом оформленной информации усиливается в обоих этих направлениях: через внешне оформленные информационные потоки пропагандистского, обучающего, манипулятивного и внушающего направления информационные сети целиком и полностью охватывают человека своими влияниями, выстраивая для него четко определенные границы возможной самостоятельности; через внутренние влияния формируется его готовность и склонность действовать в соответствии с внешними предписаниями.

Но как бы мы ни рассматривали информационные сети, понятно, что они представляют собой определенные блоки, в которых внутренняя организованность и системность информационного продукта безусловно усиливаются, поскольку структура действует как определенная целостность, все элементы которой работают в одном направлении, усиливая действие каждой отдельной структурной единицы, которая входит в блок и призвана работать ради успешного функционирования целого. “Поскольку сетевая структура многообразна (буквально — мультипликативна. — *И.Г.*), интероперативные коды разнообразят взаимодействие между отдельными элементами системы, становясь благодаря этому функциональными источниками совершенствования общей управляемости общества”, — пишет по этому поводу Кастельс [Castells, 2004: p. 114].

Информация вообще и особенно информация в виде социальной сети гораздо больше соответствует бумажной форме современной капиталистической собственности и управления ею, благодаря чему они образуют органично целостный и взаимно поддерживаемый блок, властно-административное управление и распоряжение которым также легко вписывается или вмонтируется в эту структуру. Помимо новой, преимущественно денежной формы капиталистического накопления, природа которой уже более или менее выяснена на академическом уровне, такая форма существования общественных богатств значительно легче поддается ситуативному управлению и перманентному обороту капиталов на глобальном, или всепланетном уровне. Приспособленная к управлению такими финансовыми потоками структура власти, в свою очередь, приобретает или должна приобрести особую структурно-функциональную пластичность, благодаря чему она легко реструктурируется, отчасти следуя за движением финансовых потоков, отчасти “увлекая” их за собой. Перманентная реконструкция содержания и места материального производства лишает общество былой устойчивости и стабильности, что сказывается на восприятии и на самоидентификации преобладающей массы населения, а непрерывные перемещения человеческих потоков формируют номадоподобное (кочевническое) мировосприятие, стремление к перманентной смене местожительства и образа жизни. В этих условиях от власти ожидают исключительно наведения и поддержания некоего формального порядка, но не как порядка стабильного существования, а как порядка перманентного перемещения. В наше время коллективный протест возникает чаще тогда, когда на кочевом пути возникают препятствия, непредвиденные задержки или транспортные “пробки”. Учитывая то, что эта “кочевая масса” является по-разному мотивированной по этническим, политическим, религиозным и прочим признакам группой, по-

добного рода социальный ажиотаж оказывается довольно пестрым, порой крайне бурным и даже ситуативно разрушительным, однако кратковременным, мало влияя на дальнейшую мотивационно-поведенческую структуру участников. В какой-то мере все это напоминает бурные скандалы в переполненных отечественных транспортных средствах, стихающие уже на следующей остановке.

Принимая во внимание то, что основным мотивом поведения в капиталистическом обществе является прибыль, движение капиталов, а вместе с тем и производства товаров, рабочей силы, научно-технической интеллигенции, менеджментских кадров и т.п., а также то, что капитал стремится туда, где просматривается максимально возможная прибыль, это движение оказывается слабо организованным, стихийным и почти непредсказуемым. Одним из естественных следствий этого можно считать всеобщую неуравновешенность мировой экономической и социальной систем. Дело в том, что в большинстве случаев цель здесь заключается в том, чтобы деньги делали новые деньги, и в системе национального и мирового финансового оборота значительное, если не господствующее место занимают финансовые и банковские спекуляции, достаточно трудно поддающиеся государственно-му и общественному контролю. Тем более, что в них нередко задействованы и государственные структуры, и чиновники, обеспечивая себе и другим доступ к “легким” деньгам. Наиболее очевидным результатом подобных процессов является превращение товарных кризисов в финансовые, которые из-за слабой внешней контролируемости возникают неожиданно, а вред наносят существенный. Станут ли новые, в том числе сетевые, формы социального оборота информации и основанные на них новые формы социальной коммуникации спасением от такой неуправляемости общества или же дополнительным фактором самой этой неуправляемости, — открытый вопрос. Пока очевидным остается лишь тот факт, что мировая социоэкономическая система трансформируется в гигантское мировое казино, где выигрыш и проигрыш распределяются случайно. Более того, добавлю, это казино изначально конструируется так, чтобы оно всегда оставалось в выигрыше, а посетители, или игроки — в проигрыше.

Итак, собственники как сугубо менеджеры денежного оборота не являются, с любой точки зрения, полноценными капиталистами. Однако в этом пункте налицо противоречие и проблемная ситуация, требующая детального обсуждения. Действительно, Маркс, например, разделял (внутренне стратифицировал) этот класс в зависимости от сферы непосредственного инвестирования капиталов на промышленную, банковскую, торговую, услуговую и другие фракции. Но и он признавал наиболее капиталистическим именно финансовый капитал, где деньги производят новые деньги. Если добавить к этому, что именно это обеспечивает нормальное функционирование производства путем налаживания системы кровообращения капиталов, своевременно (в идеале) перемещая капиталы между сферами и видами производства и обеспечивая аккумуляцию капиталов, то собственники этих капиталов, вопреки видимости, оказываются не “наихудшими”, а “наилучшими” капиталистами, полнее всего соответствующими этому понятию. По мере становления мировой финансовой системы их роль только усиливается. Это можно более наглядно представить в том плане, что деньги (капитал) наиболее тесно и органично связаны с информацией — в такой мере, что если деньги

служат кровеносной системой производства, то информация является той базовой основой — если не кровеносной, то, пожалуй, нервной системой самого денежного оборота, все больше ускользающего от бдительного и всестороннего его учета и гражданского контроля, продуцируя всевозможные злоупотребления и коррупцию в дополнение к уже имеющимся. В этом аспекте можно высказать предположение о том, что информационные сети найдут наиболее продуктивное общественное применение, когда и если при их посредничестве человечество сможет взять под свой контроль именно финансовые потоки: это, вероятнее всего, и будет тот “могильщик” капитализма, которого значительная часть человечества уже давно ждет.

Не меньшее влияние становление информационной сети оказывает и на подчиненный класс. Прежде всего, работа с информацией принципиально противоречит природе его традиционного труда, который осуществлялся при помощи технических орудий труда, предполагал физическое напряжение и физическое истощение организма, имел групповой характер, что способствовало коллективной идентификации и объединению, предполагало тесную связь места работы и проживания и т.д. Классовая борьба и классовое рабочее движение представлялись в этих условиях чем-то естественным и понятным. К тому же работа имела конкретно-ситуативный характер — как воздействие в данном месте на данный объект труда четко определенными орудиями, умение пользоваться которыми определяло общий и конкретный уровень рабочей квалификации и вознаграждения.

Однако теперь работа утратила характер физической деятельности, на место затраты физических сил пришло психологически-интеллектуальное истощение, а подготовка к труду предполагает огромный объем предварительного обучения, что сопровождается существенной идеологической индоктринацией. Помимо того, труд приобретает все более общий характер, все больше превращаясь в активность по сохранению или обработке информации, которая все активнее вытесняет традиционный объект приложения трудовых усилий. По сути, работа постепенно начинает выглядеть как активность в информационной сети, тесно связанная с деятельностью в финансовых потоках, непрерывно увеличивающихся количественно, по объемам и мощности. Спекулятивный финансовый капитализм таким образом превращает в финансовых спекулянтов все большую часть общества, в котором эксплуатация проявляется не столько в виде присвоения добавочной стоимости, сколько в виде присвоения прибавочного капитала, в котором стоимость уже приобрела наиболее удобный для ее присвоения вид. В этом аспекте производственная деятельность становится подобной ситуативному соучастию в поддержании жизни капитала на глобальной мировой шахматной доске, где совершается глобальное движение капиталов во всех уголках земного шара.

Однако это не означает, что труд и капитал наконец сливаются в единой форме и сфере труда; они все еще принципиально и враждебно разобщены, что особенно заметно в терминальной фазе, в точке присвоения капитала и сопоставлении с разными долями, которые попадают в частные руки и превращаются в социальный ресурс в одном случае роскошного потребления, в другом — социального выживания.

В этой связи возникает необходимость в новом, отличном от классического, определении как капитала, так и труда. У Маркса капитал является

такой стоимостью, которая в своем применении порождает новую стоимость. Здесь важно подчеркнуть, что в данном случае рабочий, активно участвуя в рождении новой стоимости, является даже не столько соучастником, сколько творцом и реализатором этого процесса, поскольку стоимость становится превращенной, или трансформированной формой его собственного труда, его продуктом. Однако в наше время появление новой стоимости окончательно утрачивает свою связь с трудом и непосредственным производственным процессом вообще; она оказывается скорее следствием неких мыслительных комбинаций и изощренных замыслов, не имеющих к непосредственному процессу труда ни малейшего отношения. Таким образом капиталист становится окончательно и бесповоротно финансовым спекулянтом и втягивает в этот процесс работника в качестве то ли невинной жертвы, то ли по-своему корыстного игрока, который ищет свою маленькую выгоду во всемирном разгуле алчного присвоения.

Существует, впрочем, еще одно свойство труда и капитала, не позволяющее им стать чем-то единым. По своей сущности капитал — это носитель всеобщего, свойство, следствие и результат труда как родовой сущности человека. В этом аспекте он является всеобщей формой общественного богатства, продуктом и проявлением самой сущности человека, его способности к эффективному функционированию. Труд, напротив, является чем-то конкретным, существующим здесь и сейчас. По мере вовлечения в информационную сеть труд перестает быть конкретным трудом, превращаясь в абстрактную работу. Этот процесс происходит уже в недрах организации и других производственных структур, которые, в свою очередь, оказываются всего лишь моментами общей социальной сети, а значит, вынуждены подчиняться законам ее функционирования. В соответствии с этим информационная сеть трансформирует сеть производственно-обменных структур на свой лад и по своему подобию. Прежде всего информационная сеть сближает отдельные, иногда хаотично разбросанные по всему миру производственные точки, превращая их в целостный и тесно взаимосвязанный блок. Благодаря этому резко улучшаются координация и управление их деятельностью, что в определенной перспективе предполагает активное формирование не только мирового рынка, который уже успешно функционирует, но и мировой, связанной в своих частях экономики, ее непосредственного производственного сектора, который будет функционировать по некому единому бизнес-плану и в рамках общих мировых задач. Появление в дополнение к рынкам капиталов, рабочей силы, рынков сбыта и т.п. еще и мирового внутренне регламентированного промышленно-товарного производства означает, в определенном смысле, завершение процесса глобализации: ныне вся планета не только становится единой коммуникативной *деревней*, как утверждал Маклюэн, но и единым *колхозом*, в котором отдельные национальные производства могут существовать исключительно в виде особых производственных бригад, как это было в реальных советских колхозах. Следовательно, можно ожидать формирования единого международного класса капиталистов, которому будет противостоять единый мировой пролетариат. Грезы “ранних” советских коммунистов о мировой пролетарской революции словно начинают в каком-то виде опредмечиваться, хотя вряд ли это происходило буквально так, как представлял себе Макар Нагульнов — известный персонаж романа М.Шолохова “Поднятая целина”.

Понятно и очевидно, что такие, пусть пока скорее воображаемые, трансформации производства, обмена, распределения, труда и потребления обязательно отразятся на перестройке политического взаимодействия — даже если мы при этом не используем известную советско-марксистскую формулу о “первичном” и “вторичном”. Но как? Точками или фрагментами этой реконструкции, вероятно всего, станут те участки общественных отношений и деятельности, которые теснее всего прилегают к информационному взаимодействию: политическая идеология, средства массовой коммуникации, демократический процесс (особенно так называемая прямая демократия, которая предполагает тесный контакт и непосредственное коммуникативное взаимодействие власти и народа — чаще всего кандидатов и избирателей, реже — в виде митингов и протестных акций). Информационная сеть отчасти предполагает и даже требует личного присутствия, сценичности и зрелищности взаимодействия, наличия игрового момента. Значимость имиджа как личностного воплощения человека в публичной сфере также побуждает к этому, ведь главным ресурсом взаимодействия в данном случае также оказывается информационная сеть, а она, как уже говорилось, является средством наиболее совершенной организации и эффективного функционирования этой самой информации. Все большее спектаклеподобие и театрализация политического взаимодействия предполагают также усиление ролевого аспекта социальных отношений, что требует наличия развитой и психологически и поведенчески пластичной индивидуальности, способной действовать адекватно в непредвиденных публичных обстоятельствах. Современные каналы массовых коммуникаций уже значительно перенасыщены информацией и образами. В таких условиях успешным политиком скорее всего станет тот, кто способен привлечь к себе внимание аудитории и удержать его в течение нужного времени. “Политик при этом превращается в бегового (ипподромного) коня, который в своей стремительной жажде власти постоянно должен демонстрировать свою способность преодолевать любые препятствия, дружить с кем угодно, предавать любого, лишь бы это шло на пользу его избирателей” [Castells, 2000a: p. 112].

Эти новые обстоятельства и факторы существенно трансформируют традиционную политику, законодательство и власть. Уровень политика в данное время определяется его способностью работать в информационном спектре, представлять привлекательную перспективу и манипулировать потребностями и мотивами избирателей, а также его способностью не просто успешно функционировать в уже существующей информационной сети, но и создавать собственную информационную сеть, в которую нужно вовлечь как можно большую часть населения. Кроме того, он должен быть в состоянии взять под свой контроль уже имеющуюся совокупность информационных сетей, подчинить их своему влиянию и собственным проектам. Также он должен адекватно вписаться в имеющуюся сеть относительно автономных политических объединений, не вызывая в этой — национальной или мировой — политической сети особого возмущения. Ведь эта глобальная конструкция, по-видимому, будет слишком зыбкой и неуравновешенной, а потому любые незначительные факторы будут вызывать в ней непредсказуемые последствия. Все эти необратимые трансформации, по мнению многих зарубежных социологов, в частности Гидденса [Giddens, 1991: p. 87], требуют очень внимательного отношения как к традиционным нацио-

нальным территориям, ставшим в восприятии населения пространством его существования, так и к культуре, которая воспринимается людьми как овеществленное время их собственной жизни. Поэтому нужна особо умелая координация всей совокупности таких разнородных элементов. И хотя полной уверенности в том, что нациегосударственные образования сохранятся в системе новых координат, в случае их отмирания или властного устранения понадобится кропотливая и виртуозная работа. Ведь тогда действительно речь пойдет о резком и небывалом историческом то ли повороте, то ли даже перевороте.

Источники

- Бейлін М.В.* Техніка і технології: сутнісні характеристики / М.В. Бейлін // Практична філософія. — 2008. — № 2 (28). — С. 28–32.
- Давыдов А.О.* О некоторых социально-политических последствиях становления сетевой структуры общества [Электронный ресурс] / А.О. Давыдов. — Режим доступа: http://www.pseudology.org/state/State_net.htm. (s.a)
- Маклюэн Г.М.* Понимание медиа: внешнее расширение человека / Маклюэн Г.М. — М.: Жуковский “Канон-Пресс”, 2003. — 464 с.
- Назарчук А.В.* Сетевое общество и его философское осмысление / А.В. Назарчук // Вопросы философии. — 2008. — № 7. — С. 61–75.
- Фуко М.* Наглядати і карати. Народження в'язниці / Фуко М. — К.: Основа, 1998. — 392 с.
- Castells M.* End of millennium / Castells M. — Malden (MA): Blackwell, 2000. — 212 p.
- Castells M.* The power of identity / Castells M. — Malden (MA): Blackwell, 2004. — 158 p.
- Castells M.* The rise of the network society / Castells M. — Malden (MA): Blackwell, 2000. — 119 p.
- Collins R.* Theoretical sociology / Collins R. — San Diego (CA), 1988. — 216 p.
- Giddens A.* Modernity and self-identity in the late modern age / Giddens A. — Stanford: University Press, 1991. — 112 p.
- Kennet A.* A primer in social and sociological theory / Kennet A. — London: Sage, 2011. — 270 p.
- Kennet A.* Contemporary social and sociological theory / Kennet A. — London: Sage, 2006. — 454 p.
- Luhman N.* Globalization of world society: how to conceive of modern society / N. Luhman // International review of sociology. — 1997. — № 7. — P. 67–79.
- Wallerstein I.* World-systems analysis. An introduction / Wallerstein I. — Durham (NC): University Press, 2004. — 212 p.